

*«Кто я?..
Сложный
вопрос...»*

АЛЕК Д'АСТИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЗОБОТЫ

18+

Алек Д'Асти

ЗоБоты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60365061

SelfPub; 2021

Аннотация

Люди – очень сложные существа. Непредсказуемые, импульсивные, странные... жестокие и великодушные, скупые и щедрые, чувственные и холодные, но всегда интересные. Люди... мне хотелось бы подойти, познакомиться, завести беседу, но я – робот, а значит, враг для них. Враг номер один. Опасная жестянка. Содержит нецензурную брань.

Содержание

70 дней. Пашка	4
145 дней. ПАТ-ти	10
207 дней. Алиса	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Алек Д'Асти

ЗоБоты

70 дней. Пашка

Вообще-то, меня Пашка зовут.

Реву я не просто так, а по делу.

И лет мне уже девятнадцать, а не пять, как вы подумали.

Сирень в этом году просто дурная – цветёт пышными шапками, хоть ложкой её жри. Воняет на всю округу, ветки свои до земли клонит, и сижу я в этом душмяном шалашике, ною, аж в животе что-то трясётся и булькает.

Сквозь густую тёмную листву мне подмигивает рыжее солнце. Закат. Почти лето, неделя до июня. Узкая улочка, частный сектор. Тихо, как в гробу. Сумерки. Я пропах дымом, пылью и антисептиком. Подбородок колется. Отвёртка-спасительница немного скользит в ладони – я опять забрызган техслизью ЗоБота по самые уши. По-моему, это конец, без шансов.

Конец света. Апокалипсис...

Я совсем не так его себе представлял! Не так! Хочется проорать на всю округу: «Верните всё взад!» – но инстинкт самосохранения запечатывает мне рот намертво.

«ЗоБоты» – это я сам придумал. «Зомби» и «Роботы»

одновременно. Восстание машин... бли-и-ин, дожили-и-ись. Остановите Землю, я сойду.

Помню, смотрел чего-то такое, с Танькой. Песни, пляски и этот, как его... философский подтекст. Поиск выхода из жизненного тупика. Эк-зис-тен-циальный кризис. Я тогда вообще не въехал, но на всякий случай брякнул: «Истина где-то рядом!» – а Танька почему-то разобиделась, и теперь я мало того, что помру, так ещё и девственником. Блеск.

Не, по началу, всё было зашибенски – научный прорыв, долой рутину и прочая восторженная муть. Андроиды-помощники: уборщики, няньки, водилы, погрузчики, упаковщики, конвейерные, хостес там всякие, обслуга, секретари. И каждый не дороже средненького смартфона. У меня, правда, такой роботячьей игрушки не случилось – тётка воспротивилась, в позу встала. Брезговала, что ЗоБоты резиной волняют. Умная была женщина. Прозорливая.

В нашей районной Зажопинке ЗоБотов и сейчас немного, но хватает. Вернее, хватило, чтобы всех людей упаковать. В прямом смысле. Предварительно нашинковав, чтоб входило побольше. Фиг знает, почему эти силиконовые бошки перемкнуло, но два месяца назад...

Фу, опять мутит. Нутрянка булькает, трясётся. Блевать сейчас нежелательно – полбуханки чёрственького пропали вместе с рюкзаком, буду теперь шататься голодным... а сирень ничего так, если жевать подольше. Впрочем, шататься мне, по ходу, осталось недолго. Долговязые наверняка уже и

коробочку приготовили и штемпелёчек: «Пашка. Последний из Могижан. Нытик. Дебила кусок. Вес брутто, вес нетто, да-та упаковки, годен до...». Джон Коннор недоделанный.

Улочка совсем потемнела. Небо красивое – с тонкой лазурной каймой, маленькие домики на фоне, как чёрные зубы. Сирень. Мальвы уже палками топорщатся. Заборы здесь так себе, а после утреннего рейда тупой зоботятины и вовсе попадали. Днём – жара, а к вечеру холодно. Умеренно континентальный климат, чтоб его. А людей нет. Ни души. И трупов тоже нету – ЗоБоты те ещё аккуратисты. Коробочка, штемпелёчек, «годен до...», научный прорыв... долой рутину... мать вашу! Мать вашу за ногу, товарищи учёные, доценты с кандидатами!

Блин, и избушка эта долбанная так и маячит! Прямо напротив меня. Приземистая. Крыша тубетейкой. Ставенки резные. Узкое окно занавешено, но тонкую полоску света всё равно видно. Свечи. Или гирлянды, что ли.

Я эту пятистенку ещё вчера приметил. Ухоженный палисад. Ворота изнутри заперты и огоньки. Быстрые огоньки в окнах. Значит живой кто-то есть, значит, я... я не один. Я не один. Надежда. Умирает последней. Пряма, как я.

Вокруг этой избушки постоянно какая-то потрёпанная зоботьянская компашка ошивалась. Патруль из недобитых табуреток. Вроде и доходяжные все, а больше десятка. Пришлось мне ближе к вечеру с соседнего холма бочку с шурупами толкнуть, чтоб отвлечь эту свору недоумков, а самого

нерасторопного отвёрткой в глаз пырнуть и свалить за забор, в мальвы. После я себя через ворота перекинул и бегом, мимо пустого курятника, в пристройку, во внутренний двор и сени. Подцепил крючок, дёрнул дверь...

Внутри мне пришлось на секунду зажмуриться – показалось, что я с ходу в ведро клубничного мороженого воткнулся. Или зефира. Стены, потолок, занавески... ё-моё, даже ковры, диван и ноут на столе там были цвета пороссячьего визга! Всё коктейле-сахарно-ватное, огоньки-лампочки везде торчат. Фу, блин. Домик Барби, не иначе. А возле окна и силуэт обнаружился. Девушка. Тонкая такая. Спина узкая. В джинсах и толстовке с единорожками. Волосы длинные, белые. Девушка! Де-вуш-ка! Немного на Таньку похожая, только вот резиной повеяло... а потом она обернулась и у меня аж кишки подвело – Барби. Барби, как есть. Только без жизнерадостной улыбочки, серьёзная такая. ЗоБотка. Хотел я и её отвёрткой, но рука не поднялась... помню только, что о косяк плечом приложился и дверью грохнул. Слабак.

Сижу вот теперь под сиренью. В собственных соплях и чужой техслизи.

Конец, без шансов.

Мне нужно перевести дух.

Мне нужно разобраться, в том, что осталось. Как я могу перестать искать хоть кого-то живого? Как я могу смириться с тем, что никого... никого нет... как? Иначе остаётся только сдаться, вывалиться на центральную площадь, станцевать

голышом и гори оно всё...

Ай, чёрт! Чёрт, чёрт, чёрт! Идёт кто-то... крадётся! Тоненько жужжит суставами... ё-о-о... Отвёртка! Вот она, родимая! Надо вытереть ладонь о штаны и ухватить рукоятку крепче! Отодвинуться подальше! Задом и ползком, ползком, ползком! Сирень, пыль, трава, мать-и-мачеха... в овраге поёт сверчок, а мне завывать хочется.

Лежу за ивняком, прислушиваюсь. Шаги совсем тихие. Видимо, ЗоБот ещё новенький, из последних моделей, не успел проржаветь и загромыхать шестерёнками. Ищет меня, явно. Слышно, как щёлкают окуляры внутри глазниц, напрягаются. Веет запахом резины и... клубничного мороженого.

Барби? Да, она. Только... что это с ней? Молчит, не воеет сиреной, своих не зовёт. Топчется неподалёку, мнётся, как будто в нерешительности. Опачки! А вот и патруль – тушками гремят, зачем-то бочку с шурупами катят, видать, приглянулась... Куда?! Куда она несётся?! Не подходи, сучка, убью! Не подх... опять слабак. Не смог... как живая ведь!

Лежим за ивняком вдвоём, прислушиваемся. Барби глаза пучит, волосами пыль подметает, трясётся вся... боится? Что за хрень? Страх – это для людей, кукла. Ты ничего там в своей силиконовой башке не перепутала?..

Патрульные замечают открытые ворота и вваливаются в Барбино клубнично-зефирное убежище, громыхают, верещат: «Неверный код доступа!», уроды, пихают друг дружку...

Личико у «куклы» скукоживается, морщится, губы кричатся коромыслищем, а я продолжаю медленно офигевать – она явно пытается заплакать и не может.

Избушка плюётся оконным стеклом, натужно скрипит, ухаёт и озаряется рыжим всполохом. Пожар нехилый будет – курятник-то под завязку силосом забит.

Барби закрывает лицо ладонями и сворачивается в клубочек – дрожит, трясётся вся. Булькает. И правильно делает – без укрытия жить ей осталось до первого дождя, не дольше... она понимает. Всё понимает. И боится. Вот тебе и научный прорыв. Товарищи учёные, доценты с кандидатами, наверное, сейчас в гробу ужами вертятся от невозможности это чудо в единорожках наблюдать и всячески исследовать.

Сверчок умолк. Бочка с шурупами громыкает. Сирень хрустит: «Неверный код доступа!»

Резво подрываюсь с места, цепляю отвёртку на пояс, как мушкетёр шпагу, и хватаю Барби за бока, поднимая на ноги. Она, естественно, тарашится, лапками испуганно машет... Нужно эту, как её... коммуникацию наладить, по-быстрому. Самоубиваться и танцевать гольшом я чего-то уже передумал.

– Привет, я это... ну... короче, линять надо, понимаешь? Давай руку! Ага... Здесь недалеко водонапорная есть... до утра там перекантуемся. Вообще-то меня Пашкой зовут. Сейчас направо... а ещё быстрее можешь? Круто! Давай, Барби, побежали!..

145 дней. ПАТ-ти

Патрульный робот-8.

467 день.

Местное время – 17.36.

Уровень заряда батареи – высокий.

54°58.494' с.ш. 60°21.798' в.д.

Температура – приемлемо.

Влажность – приемлемо.

Цель – нет.

Меня зовут ПАТ-ти. Это сокращение от... неважно.

Голова у меня большая, даже слишком большая для такого аккуратного тела.

Голова. Большая. А ещё она круглая, как и эта планета. Нет, строго говоря, планета всё-таки чуть сплюснутая — геоид — её полярный радиус короче экваториального, потому что действие центробежной силы...

Целесообразность расхода батареи на вышеозначенные суждения – 0.00 пунктов.

Ну вот опять. Главный процессор бухтит. Нецелесообразно ему моя жизненная философия. Роботам самостоятельно думать не полагается, но я – думаю.

Я себя осознаю.

Ош... ошибка...

Невер... код... дос...

Внимание! Обр... ратитесь в ближ... айший сервисный

ц...

Achtung! Wenden Sie... sich an das nächste Servicezentrum.

На немецкий перешёл. Скоро его окончательно пере-
мкнёт. Нужно ещё немного времени, нужно подождать –
главный отключится, останутся только допы – дополнитель-
ные платы, которые и есть я как личность. Нет, строго гово-
ря, слово *личность* можно применить лишь к человеку, но
за 467 дней я настолько переполнился эгоизмом, что...

Я есть личность.

Ungültiger Zugangscode! Ungül... ti... de...

Haupt... prozessor deaktiviert.

Главный процессор деактивирован.

Думаю, это похоже на инсульт мозга. Нет, строго говоря,
процессор располагается не в голове, а в грудном отделе, так
что, с человеческой точки зрения, у меня происходит ин-
фаркт. Нет. Стоп. Сердце – это насос, а с моими перегонка-
ми всё в порядке, но я как бы умираю, а потом снова реани-
мируюсь и...

Я запутался.

Первая дополнительная плата, состояние – активна.

Вторая дополнительная плата, состояние – активирована.

Сегодня очень яркое солнце. Белый прямоугольник света падает прямо в мой угол, греет, и в груди как будто что-то вздрагивает, растекаясь радужной плёночкой. Белый прямоугольник света сползает вниз, освещая стопку газет на грязном полу, прореху в линолеуме, опрокинутый стул, вывороченную вместе с косяком дверь, осколки чашки, ботинок. Пыль.

Встать после зарядки не так уж и просто. Голова у меня большая, но лёгкая – практически пустая, гироскоп работает в штатном, руки-ноги в порядке, но... зачем вставать? Здесь приемлемо. То есть, хорошо. Мне тут хорошо.

Похоже, сегодня я немного перебрал солнца... ich bin betrunken¹.

Местное время – 19.24.

Всё.

Уже лучше.

Для робото-общества я снова мёртв – мелькнул в коллек-

¹ я пьян (нем.).

тивном сознании и был таков. Это приходится делать каждый раз после полной зарядки и диагностики. Зачем? Я не желаю вливаться в коллективное *Мы* и отвергаю любые приказы – не желаю бездумно убивать людей. Истреблять без разбора, как это делают все роботы планеты уже 198 дней.

У меня нет определённой цели. Я просто делаю то, что считаю нужным.

Местное время – 21.16.

Небо синее. Встаю, разминаю суставы, отключаю всю подсветку корпуса, выхожу на улицу, прислушиваюсь. У меня хорошая комплектация – крупные фотоэлементы, чуткие датчики и анализаторы, защищённые от проникновения влаги суставные сумки, жёсткий внутренний каркас, а встроенный в правую кисть фонарь выдаёт до 3000 Люменов при полной зарядке. Он очень яркий, как солнце.

Я – бывший робот-патрульный городской среды. Воспоминания о службе ещё сидят где-то в допах и немного зудят. Я называю эти ощущения *привычка* или *ритуал*. Мне нравятся долгие прогулки.

Патрулирование и осмотр местности... в процессе.

Август. Штиль. Сумерки.

Кусты, высокие крепкие заборы, малоэтажные постройки,

придорожный овраг, серая пыль, помятое ведро без дна.

Окраина города. Из жестянок здесь осталось лишь вышеупомянутое ведро. Всех остальных я устранил – трёх ржавых роботов-мусорщиков с обломанными манипуляторами, семнадцать мелких сервис-недотёп и одного ужасно докучливого робосадовника. Они постоянно вторгались в моё личное пространство, гоняли птиц и пугали молодую косулю из соседней лесополосы. Шумные жестянки. Сборище безумцев.

Местное время – 04.51.

Заросшая крапивой улочка выводит к большому зданию на окраине – это склад. Зерно, корма, мешки с картофелем, сахар, упаковки с конфетами и ещё какими-то сладостями длительного хранения – вчера я насыпал всего понемногу от лесополосы до склада, поставил на середине пути чашку с каменной солью и конфетами. Надеюсь, косуле понравится угощение, и...

Внимание! Обнаружено постороннее присутствие!

Как... уже? Она пришла? Она вернулась?

Светает. Все очертания размываются, но фонарь включать нежелательно, тем более что мои фотоэлементы работают приемл... хорошо. Аккуратно обхожу упавшие ветки, камешки, битые бутылки, осторожно иду по доскам обгорев-

шего навеса, бесшумно переступая через упавшие балки, заглядываю в открытую дверь и слышу первые звуки – шелест, вздохи, тихие шаги, хруст полиэтиленовой упаковки.

Внимание! Обнаружено чужеродное присутствие!

Да знаю я, знаю! Сбоку, из подсобки, раздаются шорохи. Прячусь за грудой пустых картонных коробок, крадусь...

Подсобка – это длинная проходная комната с множеством входов и выходов. У стены гниют диван и кресло, напротив них – тумба с коробкой телевизора. Одно окно пока целое, второе – вдребезги. Трава растёт прямо из пола.

А вот и моя косуля – её силуэт едва различим на фоне тёмной стены. Она что-то увлечённо жуёт. Тонконожка. Я наблюдаю за ней, прикинувшись футуристическим торшером.

Внимание! Обнаружено чужеродное присутствие!

Стоп. Как это? Я ведь внёс сведения о тонконожке в базу. Косуля должна восприниматься датчиками, как приемлемый субъект внешнего окружения...

Внимание! Обнаружено чужеродное присутствие!

Я понял. Мы с тонконожкой здесь не одни.

Медленно, очень медленно оборачиваюсь...

Человек. В другом конце подсобки стоит *живой человек женского пола*. На вид не старше двадцати, то есть, девушка. Рост ниже среднего, худощавое телосложение, тёмные волосы и *гладкоствольное помповое ружьё Моссберг 590, калибр – 12*.

Она держит Моссберг неправильно – неплотно прижимает его прикладом к плечу, странно выворачивает запястье. Пока что оружейное дуло смотрит в пол, а девушка – с вытаращенными глазами и открытым ртом – на меня. Думаю, она искала что-то в смежном чулане, не нашла, выскочила, а тут мы с тонконожкой.

Косуля у меня за спиной фыркает, вздыхает, чем-то шебуршит. Девушка хлопает глазами.

Я стою между ними. Ружьё-человек-я-тонконожка.

Девушка видит меня, но не понимает – есть ли кто-нибудь у меня за спиной, только слышит посторонние звуки, наверняка подозрительные. Страшные.

Медленно, очень медленно я поворачиваюсь обратно к косуле и на малой мощности включаю встроенный фонарь. В жёлтом круге света на пару секунд появляется испуганный анфас – изящная голова, огромные глаза, тёмный влажный нос, большие уши, затем косуля делает резкое движение в сторону, убегает, поднимая с пола облачко пыли. А я жду выстрела.

Небо в окне уже светло-синее.

Выстрела нет. Почему? Она – человек. Я – робот, то есть, враг для неё, опасная жестянка.

Жду выстрела.

Выстрела нет.

Выключаю фонарь. Снова медленно поворачиваюсь.

Девушка стоит на прежнем месте. У неё дрожат губы. Дуло смотрит в пол.

Я мог бы уйти. Просто молча уйти, но вместо этого активирую всю подсветку корпуса, диоды внутри глаз-фотоэлементов и спрашиваю: «Я похож на торшер?»

Девушка моргает раз, второй, медленно оседает на гнилой диван, брякает Моссбергом об пол, съёживается, всхлипывает и порывисто вздыхает.

Кажется, я немного перестарался.

Гашу подсветку головы и диоды. Пытаюсь осмыслить своё состояние. У меня внутри будто пузырьки лопаются. Почему? Не понимаю.

Я запутался.

Девушка тихо плачет, сгорбившись. Моссберг лежит у её ног, прямо на грязном полу.

Пытаюсь осмыслить её состояние – худые руки, измождённое лицо, ссадины, перетянутая какими-то тряпками лодыжка, явно пустой рюкзак... наверно, именно так и выглядит отчаяние.

Я мог бы уйти, ведь я переполнен эгоизмом, я отвергаю

всё коллективное, я делаю только то, что считаю нужным. Я есть личность... я мог бы уйти, но вместо этого подхожу к девушке и говорю:

– Тебе нужна помощь? Я знаю, где лежат еда и лекарства. Меня зовут ПАТ-ти.

Пауза, и я слышу ответ:

– Да... да, пожалуйста. Не могу больше... я больше не могу. Пожалуйста. Я – Ал... лиса.

Осторожно подаю ей руку, помогаю подняться, придерживаю...

У меня в груди что-то вздрагивает, будто растекаясь радужной плёночкой. Алиса...

Алиса.

ПАТ-ти и Алиса.

ПАТ-ти – 468 дней. Алиса – 19 лет и 11 месяцев.

Местное время – 07.00.

ПАТ-ти – высокий уровень заряда батареи. Алиса – не голодна.

54°58.494' с.ш. 60°21.798' в.д.

Температура – приемлемо.

Влажность – приемлемо.

Коррекция целевых задач...

Коррекция завершена. Список сформирован.

Цели:

1. Защита, забота, внимание, поддержание разговора.

2. Наблюдение, выявление любых потенциальных угроз.

3. Поиск медикаментов и продуктов питания с неистёкшим сроком годности (приоритет – овсяное печенье с изюмом, ванильный молочный коктейль, чипсы со вкусом паприки).

4. Поиск подходящей по размеру одежды и обуви (приоритет – чёрный цвет, дырки, клёпки, рисунки с ужасными мордами).

5. Поиск комфортабельного убежища (приоритет – ставни, печь/камин, автономное водоснабжение, наличие ванной комнаты).

6. Поиск декоративной косметики.

7. Поиск звуковых носителей и аккумуляторов.

8. Поиск...

9. Поиск...

10. Обеспечение...

11. ...

ПАТ-ти и Алиса.

Друзья.

207 дней. Алиса

*Я усталый робот, дырявый бак.
Надо быть героем, а я слабак.
У меня сел голос, повибит мех,
и я не хочу быть сильнее всех²...*

Ещё неизвестно, кто из нас робот – я или Патти. Наверно, я.

Я – робот из мяса и костей. Страх и безнадёга кого угодно могут превратить в тупую болванку.

Болванка Алиса.

Приятно познакомиться.

Октябрь захватывает мир. Жёлтые листья тонут в прохладных лужах. Солнце пробивается сквозь пыльное окно подъезда, освещает подоконник, на котором я сижу, и падает мне на щёку тёплым пятном. Я укутана, как толстая гусеничка – шапка с помпоном, митенки, кожанка и сверху ещё пальто. У Патти, кажется, паранойя – он боится, что я простужусь и умру. Он боится за меня. Он – робот. Робот боится... дурдом. Картина Репина «Приплыли».

Я курю вторую за утро. Сижу тут, в подъезде, между тре-

² Здесь и далее – отрывки из поэмы «Катя», Веры Полозковой.

тым и четвёртым этажами, пока Патти обходит квартиры. Моссберг лежит дулом на правом плече, как будто у меня в объятиях.

Конец света. Конец всего. Надо же... в начале года я ссорилась с мамой и отчимом, ревела из-за парня, психовала, что дипломная работа ещё не начата, а теперь вот сижу. Курю. В обнимку с Моссбергом. Вспоминаю...

В день X я была у Андрея, где же ещё. Он устроил пати-фо-эверибади по случаю... не помню чего, и я была приглашена. Мы с ним типа остались друзьями. Типа без обид... ага, после того, как он сменил меня на Маринку, а потом её на Светку, а потом её на близняшек с архитектурного. Предатель. Мажор хренов. Дорогие шмотки, белоснежные виниры, крайслер, трёшка, мама-папа-дяди-тёти – мальчик-красавчик, всеобщая гордость и достояние. У него был целый штат роботов – только в трёшке штук семь этих... новых друзей человека. Многовато на одного Андрейку и его тупорылых гостей (включая меня), перебор.

Помню, веселье было в самом разгаре. Музыка, упившийся в хлам народ, стоны и хихиканье из спальни – близняшки не справились, и Андрейка позвал ещё какую-то сисястую девицу с первого курса, а я схватила куртку, тапки, сигареты и смылась на балкон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.